

Лебедев А. П. Мысли и чувства по поводу одного русского открытия в области науки древней церковной истории. [Рец. на: *Самуилов В. Н.* История арианства на латинском Западе. СПб., 1890] // Богословский вестник 1892. Т. 2. № 5. С. 330–359 (2-я пагин.).

Мысли и чувства по поводу одного русского открытия в области науки древней церковной истории.

Писмя бо убиваетъ (2 Кор. 3, 6.).

Когда извѣстный берлинскій профессоръ церковной исторіи Адольфъ Гарнакъ въ 1888 году выдалъ въ свѣтъ тощую книжку подь очень-очень скромнымъ и даже совсѣмъ не интереснымъ заглавіемъ: „Псевдо-Киприановскій трактатъ: *De aleatoribus* (объ игрокахъ въ кости) есть древнее латинское христіанское сочиненіе и есть трудъ римскаго епископа Виктора I“ ¹⁾, то одинъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ (*Jülicher*) подвергъ критическому разбору сочиненіе Гарнака и такими словами началъ свою рецензію: „еслибы Гарнакъ ничего больше не написалъ кромѣ этого историко-литературнаго сочиненія о такомъ произведеніи, которое ошибочно помѣщалось между твореніями Кипріана и которое до сихъ поръ оставалось безъ вниманія, то этотъ одинъ трудъ его былъ бы достаточенъ для того, чтобы считать его мастеромъ (*Meister*) исторической науки“ ²⁾. И этотъ отзывъ вполнѣ вѣренъ, если не брать во вниманіе особенностей направленія Гарнака.

Если отъ церковно-исторической науки иностранной (въ области древней церковной исторіи ³⁾) перенесемъ мысленно къ русской литературѣ, относящейся къ этой же научной

¹⁾ *Der Pseudocyprianische Tractat de aleatoribus, die älteste lateinische christliche Schrift, ein Werk des Römischen Bischofs Victor I. Leipz 1888.*

²⁾ *Theologische Literaturzeitung, 1889, S. 328.*

³⁾ Общее выраженіе церковно-историческая наука—мы будемъ употреблять и ниже въ сейчасъ указанномъ условномъ значеніи.

сферѣ, и посмотримъ: не встрѣчалось ли и здѣсь такихъ же приятныхъ явленій, объ одномъ изъ которыхъ говоритъ критикъ Гарнака, то должны будемъ сознаться, что ничего такого здѣсь искать невозможно. Не углубляясь въ даль прошедшихъ временъ, по всей справедливости можно сказать, что по крайней мѣрѣ въ послѣдніе двадцать лѣтъ (когда стали дѣйствовать новые, болѣе совершенные Академическіе Уставы, — уставы 1869 и 1884 г.) русская церковно-историческая наука не дала ни одного сочиненія, о которомъ можно было-бы сказать хоть что-либо похожее на то, что говоритъ вышеупомянутый нѣмецкій критикъ о сочиненіи Гарнака. Этотъ послѣдній, т. е. нѣмецкій критикъ, потому такъ высоко оцѣниваетъ сочиненіе Гарнака: „Псевдо-Кипріяновскій трактатъ“, что оно представляетъ собою рядъ церковно-историческихъ открытій большаго интереса и необыкновенной свѣжести. Но этого-то элемента и нѣтъ въ русской церковно-исторической наукѣ, посвящающей себя изученію древней церковной исторіи. Все, что пишется на русскомъ языкѣ по части древней церковной исторіи, представляетъ собою вообще подражаніе, а въ частности сознательную или безсознательную репродукцію и передѣлку чужихъ, преимущественно нѣмецкихъ, изысканій, — репродукцію и передѣлку чужестраннаго, но на новый ладъ.

Мы однакожь далеки отъ того, чтобъ утверждать, что будто въ русской церковно-исторической наукѣ и не появлялось никакихъ опытовъ, свидѣтельствующихъ о стремленіи хоть немногихъ авторовъ дѣлать нѣкоторыя научныя открытія. Такіе опыты встрѣчаются, но здѣсь мы имѣемъ дѣло съ открытіями микроскопическаго свойства или же развѣ нѣсколько болѣе того. Эти открытія не вызываютъ ничьихъ восторговъ, никакихъ похвалъ, не возбуждаютъ чувства благодарности (и это совершенно справедливо), потому что они не возбуждаютъ дѣйствительнаго живаго интереса и остаются достояніемъ самаго тѣснаго кружка специалистовъ, да и то не всѣхъ, а только самыхъ внимательныхъ, слѣдящихъ даже за микроскопическимъ обнаруженіемъ жизнедѣятельности нашей науки. Русскія открытія не пазначаются къ тому, чтобы освѣтить новымъ свѣтомъ какую-либо цѣлую эпоху или часть эпохи, какую пибудь очень важную группу явленій или замѣчательнѣйшую церковно-историческую лич-

ность. Они имѣютъ чрезвычайно скромныя цѣли и удовлетворяются этими цѣлями, не ища сдѣлать хотя бы сколько-нибудь значительный переворотъ въ наукѣ.

Отчего зависитъ такое явленіе, отчего церковно-историческая русская наука до сихъ поръ была не въ состояніи сдѣлать ни одного серьезнаго открытія—рѣшать этотъ вопросъ мы не беремся, по той уважительной причинѣ, что и сами *мы* принадлежимъ къ числу подсудимыхъ. Разъясненіе печальнаго факта предоставимъ исторіи будущаго времени.

Сознаемся, что въ виду сейчасъ высказаннаго нами, мы отводили русской церковно-исторической наукѣ очень не высокое мѣсто. Мы ставили её ниже церковно-исторической науки — германской, французской, англійской, италянкой, норвежской, новогреческой, уравнивали её съ испанской, голландской и датской и ставили выше лишь болгарской, сербской и черногорской.

Волей-неволей помирившись съ невысокимъ положеніемъ нашей русской науки, мы перестали ожидать отъ нея въ настоящее время чего-нибудь серьезнаго, такого, что свидѣтельствовало бы о способности этой науки дѣлать сколько-нибудь важныя научныя открытія.

Такими, далеко не оптимистическими, глазами смотрѣли мы на состояніе нашей науки, науки дорогой и любимой нами... Но случилось нѣчто, совсѣмъ нами не предвидѣнное. Нашему скепсису нанесенъ былъ сильный ударъ, тѣмъ болѣе сильный и поразительный, что мы его не ожидали и къ нему не приготовились.

Явилось въ свѣтѣ русское (магистерское) сочиненіе, по древней-церковной исторіи не столь тощее, какъ выше названное сочиненіе Гарнака, но подъ столь же скромнымъ и нисколько не заманчивымъ заглавіемъ, какъ это-же? „Исторія арианства на латинскомъ Западѣ“ (С.-Петербург. 1890) и тѣмъ не менѣе глубоко-знаменательное и внушительное, дававшее повидимому, право гордиться тѣмъ, что и наша наука твердою и рѣшительною ногою становится на путь серьезныхъ открытій, — сочиненіе, принадлежащее перу Вячеслава Никандровича *Самуилова*.

Сочиненіе поражало своими достоинствами. Авторъ вла- дѣетъ превосходнымъ знаніемъ языковъ греческаго, латин-

жаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго: по части источниковъ и новѣйшей литературы вопроса онъ является полнымъ хозяиномъ своего дѣла, хозяиномъ вполне самостоятельнымъ. Чрезвычайно осторожный авторъ и малѣйшаго шага не дѣлаетъ безъ того, чтобы не навести обстоятельной справки въ нужнѣйшихъ книгахъ. Мало того, авторъ замѣчательно предупредителенъ: онъ не расположенъ мучить читателя неизвѣстностію относительно того, какъ именно о томъ или другомъ предметѣ говорится въ источникахъ: необходимѣйшую выдержку изъ источника всегда можно найти подъ строкой въ сочиненіи. Значитъ, онъ самъ помогаетъ читателю судить автора вполне безпристрастно и избавляетъ его отъ нелегкаго дѣла возиться съ фоліантами, которые не у всѣхъ же подъ руками. Но все это ничто въ сравненіи съ самымъ содержаніемъ сочиненія. На мой взглядъ книга разрѣшала одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ науки древней церковной исторіи. Въ самомъ дѣлѣ: она посвящена одной изъ важнѣйшихъ эпохъ древне-христіанской исторіи— исторіи церкви знаменитаго IV вѣка, ставила свою задачу замѣчательно широко: говоря о западномъ аріанствѣ, авторъ посвящаетъ чуть не большую часть своего сочиненія восточному аріанству, этому родоначальнику западнаго явленія того же имени, и изучаетъ этотъ предметъ документально и серьезно. А превыше всего, являлась, на мой взглядъ, идея, проведенная въ сочиненіи и дававшая ему высокую цѣнность. Кому неизвѣстно, что IV вѣкъ не возможно понять, если не прилагать полного тщанія къ изученію исторіи аріанства? Много такого тщанія обнаруживаетъ церковно-историческая наука и нѣмецкая, и французская, и англійская. Но богатствомъ и широтою результатовъ, къ сожалѣнію, не можетъ похвалиться и эта прославленная наука. Оставался въ достаточной таки тѣмѣ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ по исторіи аріанства— вопросъ объ аріанствѣ послѣднейскаго періода, начиная со времени смерти Константина Великаго и до смерти самого аріанства. Кто знакомъ съ сочиненіями св. Аѳанасія, св. Иларія, св. Василия, свв. Григоріевъ Богослова и Нисскаго, Елифанія, церковныхъ историковъ Сократа и Созомена, тотъ отлично знаетъ, что исторія аріанства указаннаго сейчасъ періода представляетъ невѣроятный хаосъ. Ясно и

вполнѣ точно понять что-нибудь здѣсь, подвести изученіе предмета къ какимъ-нибудь исходнымъ точкамъ и принципамъ—казалось невозможнымъ. Лучшіе умы западной науки углублялись въ изученіе этой области, но безплодно. Хаосъ оставался хаосомъ, тьма не прояснялась. Исторія аріанства этой эпохи по его тенденціямъ представлялась какимъ-то кладомъ, который не давался въ руки. Оказывалось напр. что аріане даннаго періода отъ своего главы Арія почти совсѣмъ отторглись, но въ тоже время не думали искать убѣжища и въ лонѣ православія; между собой они поднимали безконечные споры, такъ что можно было счесть ихъ какими-то безумцами, не смотря на то, что между ними встрѣчались, по выраженію нашего автора, люди „даровитые“ и „талантливые“; одинъ аріанскій соборъ смѣнялся другимъ новымъ, одно вѣроизложеніе въ самый короткій промежутокъ времени смѣняло другое, становясь на мѣстѣ послѣдняго; доктрины мѣнялись, принимая какіе-то утонченно-страшные оттѣнки; игра словами достигла послѣдняго предѣла. Въ это-то царство тьмы и захотѣлъ внести лучъ свѣта нашъ авторъ. Попытка достойная похвалы. Онъ, какъ казалось ему, а въ слѣдъ за нимъ и мы, открылъ то, чего до сихъ поръ не удалось открыть никому, ни одному изъ безчисленныхъ европейскихъ ученыхъ—открылъ въ хаотическомъ безпорядкѣ признаки гармоніи и объединяющихъ началъ. Лучъ свѣта зажегся... Пристальное изученіе документовъ привело автора, казалось, къ блестящей мысли, что почти всѣ аріане, представлявшіе своими доктринами такой хаосъ—въ сущности имѣли *одного руководителя, слѣдовали одной готовой системѣ*, и при всемъ разнообразіи мыслили по самымъ существеннымъ вопросамъ одинаково, опираясь на *одного*, ими признаваемый авторитетъ. Кто же этотъ руководитель аріанъ? Чья система легла въ основѣ разнообразныхъ аріанскихъ доктринъ? Лица всѣмъ извѣстнаго и славнаго, сочиненія котораго на столѣ у всѣхъ церковныхъ историковъ давняго и нашего времени. Руководителемъ аріанъ, по разслѣдованіямъ автора, былъ знаменитый Евсевій, епископъ кесарійскій, безсмертный церковный историкъ... Каково открытіе?... О, Бауры, Неандеры, Гарнаки, Гуоткины посыпьте пепломъ главы ваши отъ печали, что проглядѣли вы то, что съумѣлъ разсмотрѣть

молодой русскій ученый, едва-едва оставившій ученическую скамью...

Я былъ въ восторгѣ. Пали веревы желѣзныя.... Отнынѣ русская церковно-историческая наука должна занять почетное мѣсто въ ряду европейскихъ ея сестеръ. Нашелся человекъ, котораго надлежитъ признать Meister-омъ, первымъ Meister'омъ нашей науки. Наступила эпоха въ развитіи нашей науки, которой тщетно ожидали любители ея. Я готовъ былъ призвать собратьевъ науки къ тому, чтобы они вручили пальму научнаго первенства нашему автору. Говорю это совершенно серьезно, хотя и облекаю свою мысль въ метафорическую оболочку. Въ такомъ направленіи я намѣревался писать статью для какого нибудь журнала и оповѣстить имѣющихъ уши слышать о появленіи перво-разрядной звѣзды на небосклонѣ русской церковно-исторической науки.

Но тутъ, когда я принялся за осуществленіе сейчасъ указаннаго намѣренія и взялъ въ руки перо—но тутъ случилось нѣчто столь неожиданное, чего описать невозможно. Если бы я упалъ съ облаковъ да прямо въ грязь, я менѣе былъ бы пораженъ, чѣмъ теперь.

Послѣ всѣхъ моихъ восторговъ и ликованій, признаю долгомъ совѣсти объявить сочиненіе г. Самуилова по основной его идеѣ, составляющей конечно *суть* дѣла, не заслуживающимъ никакого вниманія и представляющимъ собою плоскую фальсификацію.

Я не буду проводить читателя по тѣмъ терніямъ, среди которыхъ мнѣ пришлось проходить въ достиженіи этого плачевнаго результата, хотя, конечно, моимъ намѣреніемъ въ этомъ странствованіи было лишь то, чтобы яснѣе и точнѣе опредѣлить цѣнность открытія; я не буду говорить обо всѣхъ безконечныхъ разочарованіяхъ, которыя овладѣвали мной, когда я сталъ со вниманіемъ изучать вопросъ, идя за авторомъ въ томъ же направленіи, которое съ такой эрудищею пройдено имъ самимъ. Если бы я повѣдалъ читателю о томъ пути, какимъ я прошелъ, въ концѣ концовъ достигая печальнаго результата, о которомъ говорю, то потребовалось бы написать книгу, не меньшую той, какую создалъ разбираемый авторъ. Но это утомило бы читателя,

да и у меня отняло бы слишкомъ много времени, нужнаго на что нибудь болѣе полезное.

Къ счастью, самъ авторъ надоумилъ меня, какимъ бы образомъ можно написать о его книгѣ немного, а сказать о ней *все*.

Г. Самуиловъ предъ публичной защитой своего сочиненія, въ качествѣ магистерской диссертаци, произнесъ рѣчь, которая напечатана. А въ этой рѣчи онъ любезно указывалъ, что главныхъ доводовъ въ пользу его идеи, проведенной въ его книгѣ, т. е. идеи о томъ, что Евсевій кесарійскій былъ „первоучителемъ“, „духовнымъ вождемъ“ арианъ послѣднейшей періода и что эти ариане „съ буквальною точностію повторяли мысли“, раскрытыя Евсевіемъ въ особенности въ одномъ изъ его сочиненій—такихъ доводовъ два: I) существованіе полного согласія между воззрѣніями арианъ, приписываемыми этимъ послѣднимъ въ одномъ посланіи (указѣ) императора Валентиніана, и однимъ сочиненіемъ Евсевія (посланіемъ его къ кесарійцамъ); II) свидѣтельство арианскаго епископа Максимиана о томъ, что онъ считалъ Евсевія своимъ „первоучителемъ“¹⁾. Прочимъ своимъ доводамъ авторъ придаетъ второстепенное значеніе. Онъ говоритъ вслѣдъ за тѣмъ, что нами сейчасъ указано: „сравненіе всѣхъ арианскихъ системъ (чѣмъ, скажемъ кстати, авторъ усердно занимался) съ системой (т. е. съ предпо-

1) „Рѣчь, произнесенная В. Самуиловымъ предъ защитой магистерской диссертаци 8 октября, 1890 года“: Христ. Чтен. 1891, т. I.

I. Формулировка здѣсь перваго довода: „знакомясь съ исторіей арианства, мы встрѣчаемъ одинъ документъ очень странный—приобычномъ взглядѣ на арианство. Въ письмѣ императора Валентиніана есть такое мѣсто“. Затѣмъ оно приводится и комментируется. А потомъ авторъ дѣлаетъ такое заключеніе: „изъ письма Валентиніана съ достаточною ясностію слѣдуетъ выводъ: „группа арианъ на Западѣ (а само собой понятно, что тоже было и на Востокѣ—замѣтимъ мы) въ 370 году называла Евсевія Кесарійскаго отцомъ своей церкви (?) и повторяла съ буквальною точностію мысли, раскрытыя въ его посланіи къ кесарійцамъ“. (стр. 119—120).

II. Формулировка втораго довода.—Пеносредственно послѣ этихъ словъ авторъ вопрошаетъ: „кто были эти ариане“? Даетъ отвѣтъ, который намъ не надобенъ и потомъ продолжаетъ: „имя ихъ первоучителя назвалъ послѣдній представитель арианства на латинскомъ западѣ—епископъ Максиминъ. То былъ Eusebius storiographus (historiographus), т. е. Евсевій Кесарійскій“. (стр. 120—121).

лагаемой догматической системой) Евсевія *только* подтвердило этот неожиданный вывод“. ¹⁾ Следовательно, дѣло ясное: если мы докажемъ, что два вышеупомянутые доводы автора оказываются не состоятельны, то остальные доводы, *только* подтверждающіе два первыхъ, лишатся всякаго значенія, ибо имъ будетъ ровно нечего подтверждать собою.... Итакъ за дѣло. ²⁾.

I.

Вопросъ: доказываетъ ли первый изъ вышеприведенныхъ доводовъ автора то, что нужно было доказать?

Отвѣтъ: нѣтъ, нисколько не доказываетъ.

Что ариане послѣнникомскаго періода интересовались сочиненіями Евсевія кесарійскаго и усвоивали его догматическія воззрѣнія, почитая эти воззрѣнія руководствомъ для своихъ неправославныхъ доктринъ,—какъ думаетъ г. Самуиловъ, объ этомъ, къ его прискорбію, прямо и открыто нигдѣ ни въ какихъ историческихъ документахъ, не говорится ни слова. Автору, при такихъ обстоятельствахъ, оставалось сдѣлать одно изъ двухъ: или вновь открыть до-

¹⁾ Ibidem, стр. 121.

²⁾ Возможное дѣло, что читатель станетъ недоумѣвать: почему критикъ (т. е. я) такъ запоздалъ съ своимъ дѣломъ, принимая во вниманіе то, что сочиненіе появилось уже въ 1890 году? На этотъ вопросъ могу дать отвѣтъ вполнѣ удовлетворительный. Проф. В. В. Болотовъ, тотчасъ послѣ защиты г. Самуиловымъ его диссертации, началъ писать рядъ статей по поводу этой книги, въ которыхъ онъ даетъ критическое детальное разъясненіе нѣкоторыхъ вопросовъ, поднятыхъ молодымъ магистромъ, статей заглавливающихъ „Четверть часа магистерскаго коллоквиума 8 октября 1890 года, дополненная и разъясненная“ (Христ. Чтеніе, 1891, т. I). Появленіе этихъ статей заставило насъ помедлить нашей критикой въ ожиданіи, что почтенный ученый разберетъ основную идею книги и тѣмъ избавитъ насъ отъ лишняго труда. Но этого не случилось: 1) „Четверть часа“ г. Болотова угрожаетъ превратиться въ дѣло десятилѣтіе, ибо эти статьи и *по сію пору* далеко не кончены; 2) мы рѣшительно не знаемъ: будетъ ли всегдѣ у него рѣчь объ основной идеѣ книги г. Самуилова, или же нѣтъ. Въ виду этого, уже промедливъ много-много, мы рѣшаемся подать свой голосъ по поводу книги. Считаемо долгомъ однакожь замѣтить, что наша критическая работа по сравненію съ многоученными этюдами проф. В. В. Болотова, подъ заглавіемъ: „Четверть Часа“, можетъ быть названа лишь „одной минутой литературнаго спора“.

кументъ, доказывающій его мысль, или истолковать въ подобномъ родѣ какой нибудь уже издавна извѣстный документъ, т. е. расшифровать его (другими словами: тоже сдѣлать открытіе, но не по части обогащенія науки источниками, а по части обогащенія ученаго міра новыми свѣдѣніями). Автору не удалось сдѣлать открытіе перваго рода, а потому онъ вынужденъ былъ удовольствоваться открытіемъ втораго рода. Въ сущности и открытіе этого втораго рода доставило бы автору (говорю это безъ малѣйшей ироніи) неувядаемую славу въ ученомъ мірѣ; но, къ сожалѣнію слава достается въ удѣлъ лишь немногимъ лицамъ, а потому неудивительно, если такой славы не достигъ молодой авторъ съ своимъ открытіемъ, ибо его открытіе оказывается грубой фальсификаціей....

О вліяніи догматическихъ воззрѣній Евсевія, поскольку они выражены въ его извѣстномъ посланіи къ кесарійцамъ (написанномъ въ 325 г.) авторъ рѣшается судить на основаніи документа, который онъ и самъ называетъ „очень страннымъ“—по „посланію западнаго императора Валентиніана“, написанному къ азійскому обществу (въ 370 году). Но прежде всего приведемъ собственныя слова автора по этому поводу. „Иллирійскіе (православные) епископы, пишетъ авторъ, кажется въ 370 году собрали большой соборъ въ Иллирикѣ. Здѣсь одинъ изъ членовъ собора сообщилъ епископамъ о печальномъ состояніи Востока, находившагося подъ управленіемъ (императора) Валента. Отправляя (потомъ) пословъ къ Валентиніану, соборъ, вѣроятно, просилъ этого послѣдняго обратить вниманіе на положеніе восточныхъ. Валентиніанъ приложилъ къ соборнымъ (иллирійскимъ) актамъ отъ себя посланіе къ восточнымъ епископамъ. Это посланіе существенно важно для доказательства, что *западныя оміи* ¹⁾ *были послѣдователями Евсевія кесарійскаго*“ ²⁾. Нужно сказать, что въ разсматриваемомъ

¹⁾ Сочиненіе автора искренно слѣдующими выраженіями: оміѣ, оміи, оміѣство. оміѣскій Иллирикъ, оміѣская догматика, оміѣская генерация, оміѣскіе чиновники. Всѣ существительныя и прилагательныя, производимыя отъ слова: оміѣ (*ομοιος*), выражаютъ ту мысль автора, что полуаріане (какое названіе замѣняется у автора названіемъ: оміи—съ какою основательностію объ этомъ толковать не станемъ), были послѣдователями Евсевія, уча, *какъ онъ*, о подобіи Сына Божія съ Отцемъ.

²⁾ Стр. 86. При другомъ случаѣ, какъ было уже указано нами *выш*

документъ (посланіи Валентиніана) ведется довольно обстоятельная рѣчь о какихъ-то аріанахъ, ихъ воззрѣніяхъ; этихъ-то аріанъ авторъ признаетъ именно „оміями“, (воображаемыми) послѣдователями Евсевія. Для подтвержденія своего мнѣнія, что характеризующие въ этомъ посланіи аріане дѣйствительно вѣрные ученики Евсевія въ догматическомъ отношеніи, авторъ сравниваетъ два посланія: Валентиніаново и Евсевіево (къ кесарійцамъ)—одно съ другимъ. А въ результатъ этого сравненія у автора получается замѣчательное будто-бы сходство воззрѣній Евсевія и мнѣній, приписываемыхъ аріанамъ въ посланіи Валентиніана. „Группа аріанъ на Западѣ съ буквальною точностію повторяли мысли, раскрытыя въ посланіи Евсевія къ кесарійцамъ“, увѣряетъ авторъ подъ вліяніемъ своего сравненія двухъ указанныхъ документовъ. Не то получится въ результатъ, если мы по обязанности рецензента, возьмемъ на себя скучный трудъ сличенія тѣхъ же двухъ посланій,—въ результатъ окажется нѣчто совсѣмъ неожиданное: сходства между посланіями нѣтъ никакого, различіе между ними полное — до противоположности.

Итакъ займемся провѣркой того сравненія посланій, которое было-обѣщало такіе богатые плоды г. Самуилову. Но прежде этого дѣла кратко разберемъ то предварительное замѣчаніе, которое дѣлаетъ авторъ, желая поселить довѣріе въ читателѣ къ той операціи, какую онъ производитъ надъ текстомъ сказанныхъ двухъ посланій. — Въ посланіи Валентиніана онъ нашелъ одну фразу, которая, какъ показалось ему, въ несомнительной степени доказываетъ, что ниже въ томъ-же посланіи приводятся слова и мнѣнія именно Евсевія кесарійскаго (имени котораго — сказать кстати — вовсе не упоминается здѣсь). Фраза читается такъ: „Единосущіе мы (Валентиніанъ) понимаемъ не такъ, какъ нѣкогда толковали неискренно подписавшіе наше исповѣданіе“ (т. е. Никейскій символъ). Эти слова, повидимому, не имѣющія никакого особеннаго значенія, приводятся авторомъ неизвѣстно зачѣмъ въ греческомъ текстѣ, какъ будто-бы греческій текстъ (которымъ авторъ такъ часто злоупотребляетъ, приводя на

авторъ пишетъ „изъ посланія Валентиніана съ достаточною ясностію слѣдуетъ выводъ: группа аріанъ на Западѣ въ 370 году называла Евсевія кесарійскаго отцемъ своей церкви“ (секты?). См. „Рѣчь“, стр. 120.

немъ изреченія и тирады нерѣдко безъ всякаго уважительнаго повода) обладаетъ какою-то магическою силою обращать несомнѣнную ложь въ достовѣрную истину.... Прочитровавши на оригинальномъ языкѣ указанную фразу, авторъ затѣмъ утверждаетъ, что будто-бы она можетъ относиться исключительно къ одному Евсевию кесарійскому и больше ни къ кому. „Разъясненіе слова: единосущный съ точки зрѣнія не искренно подписавшихъ никейскій символъ, мы имѣемъ только у Евсевія въ его письмѣ къ кесарійцамъ“ (86), заявляетъ авторъ. Т. е. онъ хочетъ сказать, что подъ именемъ неискренно подписавшихъ никейскій символъ и неправильно истолковавшихъ терминъ: единосущный нужно разумѣть Евсевія, который будто-бы отъ лица прочихъ лицемѣровъ никейскаго собора написалъ свое посланіе къ кесарійцамъ. Но соглашаться съ нашимъ авторомъ въ этомъ случаѣ никакъ нельзя. Никто въ древности (ни въ IV, ни въ V в.) не упрекалъ Евсевія въ томъ, что онъ неискренно подписался подъ символомъ никейскимъ на соборѣ того-же имени. Кто именно разумѣется въ посланіи Валентиніана подъ лицами, „неискренно подписавшими никейскій символъ“, на этотъ вопросъ мы можемъ дать прямой и ясный отвѣтъ, который читатель найдетъ нѣсколько ниже.

Затѣмъ у автора идетъ уже самая существенная часть его аргументаціи по вопросу о томъ, что западные аріане (какъ они охарактеризованы въ посланіи Валентиніана) будто-бы „лишь повторяли съ буквальною точностію мысли, раскрытыя въ посланіи Евсевія къ кесарійцамъ“. Увы, параллелей между посланіемъ Валентиніана и посланіемъ Евсевія авторъ открылъ очень немного: всего двѣ. Но и онѣ, какъ было упомянуто выше, представляютъ ученую фальшь. Одна изъ этихъ параллелей вышла у автора, если можно такъ выразиться, кособокая; она-то и поставлена у автора на первомъ мѣстѣ. Кособокость ся заключается въ томъ, что авторомъ снодна приведена только фраза, встрѣчающаяся у Валентиніана, а соответствующая ей фраза изъ Евсевія совсѣмъ не приведена; на нее есть только глухая ссылка ¹⁾. И это, какъ увидимъ, сдѣлано не безъ

¹⁾ Свою мысль на этотъ счетъ авторъ опредѣленно высказываетъ въ „Рѣчи“, гдѣ (стр. 120) онъ говоритъ, что и у Евсевія встрѣчаются „тѣже выраженія“, какія находятся въ посланіи Валентиніана (въ томъ мѣстѣ, какое мы сейчасъ приводимъ изъ этого послѣдняго).

заднихъ цѣлей. Изъ посланія Валентиніана приведены слѣдующія слова: *καὶ νῦν ἕτεροι πατέρας ἐκείτους καλοῦντες, τῆρ δύναντι τῆς λέξεως ἀθεήσαντες, καὶ ἐπόμενοι τοῖς γραφασι, τὸ ὅμοιον δηλοῦσθαι διὰ τοῦ ὁμοουσίου, καθ' ὃ οὐδενὶ τῶν λοιπῶν κτισμάτων δι' αὐτοῦ γενομένων ἐμφερῆς ὁ Υἱὸς, ἀλλ' ἢ μόνον τῷ Πατρὶ ἀφωμοίωται.* Текстъ приведенъ только въ греческомъ оригиналѣ: греческій языкъ у автора (какъ и у нѣкоторыхъ другихъ русскихъ богослововъ) сдѣлался какой-то панацеей, долженствующей уврачевывать всѣ недостатки; но кромѣ того, авторъ, какъ сейчасъ покажемъ, не могъ привести подлежащей нашему разбору фразы на отечественномъ языкѣ, ибо тогда и едва знакомый съ наукой читатель уразумѣлъ бы, что дѣло у г. Самуилова обстоитъ весьма неблагополучно. Начнемъ же разоблаченіе авторской фальсификаціи, находящейся въ первой параллели и хитро прикрытой пропускомъ необходимо нужнаго, для точнаго пониманія вышеприведенныхъ Валентиніановыхъ словъ, греческаго (или хоть русскаго) текста изъ Евсевіева посланія. Возложенный на читателя трудъ отыскать соотвѣтствующее мѣсто изъ посланія Евсевія рецензентъ охотно беретъ на себя. Строки изъ Евсевія представляющія изъ себя, по мысли нашего автора, параллельное мѣсто, читаются такъ: *παραστατικὸν δ' εἶναι τὸ ὁμοούσιον τῷ Πατρὶ, τοῦ μηδεμίαν ἐμφέρειαν πρὸς τὰ γεννητὰ κτίσματα τὸν Υἱὸν τοῦ Θεοῦ φέρειν, μόνον δέ τῷ Πατρὶ τῷ γεγεννήχῃ κατὰ πάντα τρόπον ἀφωμοίωσθαι* (изъ Θεοдорит. Исторіи, I, сар. 12). Первое изъ вышеприведенныхъ мѣстъ — слова императора Валентиніана — по русски могутъ быть переданы такъ: „и другіе теперь (т. е. во времена составленія Валентиніанова посланія), называющіе отцами тѣхъ (т. е. неискренно подписавшихъ никейскій символъ), согласно съ ихъ писаніями, не обращая вниманія на силу слова, толкуютъ, что словомъ: „единосущный“ выражается „подобіе“, по которому Сынъ не равняется ни съ однимъ изъ *прочихъ*, созданныхъ Имъ, *твореній*, но уподобляется одному Богу“. А соотвѣтствующія слова Евсевія по-русски значатъ слѣдующее: „единосущіе Отцу означаетъ то, что Сынъ Божій не проявляетъ никакого сходства съ рожденными тварями, но во всѣхъ отношеніяхъ уподобляется Отцу, своему Родителю“. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что и по греческому оригиналу и по русскому переводу уже очень за-

мѣтно, что между выраженіями изъ посланія Валентиніана и выраженіями изъ посланія Евсевія—общаго нѣтъ. Валентиніанъ говоритъ о такихъ аріанахъ, которые признавали Сына Божія „тварію“, а посланіе Евсевія говоритъ о такомъ пониманіи „единосущія“, при которомъ исключается всякое представленіе о тварной природѣ Сына Божія. У Валентиніана сказано, что въ его время существовали аріане, „толковавшіе, что словомъ: единосущіе выражается „подобіе“, по которому Сынъ не равняется ни съ однимъ изъ *прочихъ* твореній (*τῶν λοιπῶν κτισμάτων*), но“ и проч. Ясное дѣло, что Сынъ по ученію аріанъ, которыхъ характеризуетъ Валентиніанъ, былъ лишь тварію, хотя и высшею, чѣмъ *прочія* творенія, Имъ Самимъ созданныя. Если-бы по мысли этихъ аріанъ Сынъ не былъ твореніемъ, то имъ не зачѣмъ было-бы прибавлять: не равняется (Сынъ) ни съ одной „изъ прочихъ тварей“. По подобнымъ образомъ Евсевій никогда не училъ, такихъ мыслей не высказывалъ ни въ одномъ своемъ сочиненіи (какъ справедливо признасть это и г. Самуиловъ. См. стр. 47), и въ посланіи къ кесарійцамъ ни однимъ словомъ не намекаетъ на принятіе имъ, Евсевіемъ, такого превратнаго ученія. Что наше толкованіе вышеприведенной тирады изъ посланія Валентиніана совершенно вѣрно, это съ полною очевидностію открывается изъ контекста того же посланія: *непосредственно* за вышеприведенными словами у Валентиніана стоитъ такая фраза: „такъ изъясняющіе это слово (единосущный) печестиво учатъ, что Сынъ Божій есть только превосходнѣйшее твореніе“. Эту фразу г. Самуиловъ не осмѣлился переписать въ свою книгу даже и въ греческомъ оригиналѣ: она слишкомъ бы обличала его тенденціозность. Авторъ хорошо зналъ, что, вѣдь, Евсевій подобнымъ образомъ не училъ.... Итакъ сходства между двумя указанными документами въ приведенномъ случаѣ нѣтъ вовсе. Это и самъ авторъ, повидимому, глубоко чувствовалъ, ибо 1) онъ скрылъ отъ читателя то мѣсто изъ Евсевія, которое вмѣсто автора мы сами привели выше и въ греческомъ и русскомъ текстѣ и которое долженствуетъ уличать неправоту сужденій русскаго писателя; 2) онъ *не могъ* перевести точь-вточь разбираемую фразу изъ посланія Валентиніана: когда ему однажды пришлось непременно перевести ее по русски (См. „Рѣчь“ стр. 120), то онъ

перевелъ ес съ урѣзками, именно не далъ перевода словъ: τῶν λοιπῶν (прочихъ тварей), и у него получилась мысль (похожая на мысль Евсевія), что „Сынъ (отнюдь) не равняется ни съ однимъ изъ созданныхъ Имъ твореній“. Сходство между разбираемыми документами въ данномъ случаѣ можно находить только въ томъ, что тамъ и здѣсь говорится о подобіи Сына Божія Отцу, но въ этомъ отношеніи характеристика Валентиніаномъ аріанъ является похожею не на одно посланіе Евсевія, а на цѣлыя десятки аріанскихъ произведеній IV вѣка, что хорошо извѣстно всякому, кто читалъ хотя бы только одного церковнаго историка Сократа.

Вторая и послѣдняя параллель, которою пользуется авторъ для доказательства зависимости аріанскихъ воззрѣній, какъ они представлены у Валентиніана, отъ посланія Евсевія къ кесарійцамъ, приведена г. Самуиловымъ въ его книгѣ въ оригиналѣ, сполна. Вотъ эта параллель. Въ посланіи Валентиніана читается: ἀναθεματίζομεν καὶ τοὺς μὴ γεννηίως ἀναθεματίζοντες τὸν εἰπόντα, ὅτι πρὶν γεννηθῆραι οὐκ ἦν ὁ Υἱός· ἀλλὰ ὑπόψαντας, ὅτι καὶ πρὶν ἐνεργείᾳ γεννηθῆραι, δυναμίει ἦν ἐν τῷ Πατρὶ. А у Евсевія написано: ἔτι μὴν τὸ ἀναθεματίζεσθαι τὸ, πρὸ τοῦ γεννηθῆραι οὐκ ἦν, οὐκ ἄτοπον ἐροῖσθαι — — ἐπεὶ καὶ πρὶν ἐνεργείᾳ γεννηθῆραι, δυναμίει ἦν ἐν τῷ Πατρὶ ἀγεννήτως. Эти два параллельныя мѣста, говоримъ, представлены авторомъ въ оригиналѣ и притомъ сполна, вѣроятно потому, что они казались изслѣдователю особенно многозначительными и убѣдительными. Мы почти увѣрены, что эти-то два мѣста и послужили источникомъ кореннаго заблужденія г. Самуилова, развившаго въ своей книгѣ „теорію“ о генетической зависимости полуаріанскаго ученія отъ ученія и воззрѣній Евсевія кесарійскаго. Не скрываемъ, а напротивъ съ полною увѣренностію утверждаемъ, что изо всѣхъ много-различныхъ неудачныхъ случаевъ, гдѣ авторъ усматриваетъ сближеніе полуаріанъ (оміевъ) съ Евсевиємъ, этотъ случай, повидимому, наиболѣе удачный и подкупающій въ пользу теоріи автора. Но при нѣкоторомъ вниманіи къ дѣлу (а такого вниманія или не доставало автору или же оно было подавлено пристрастіемъ къ собственной его теоріи) легко открывается, что мѣсто приводимое имъ изъ посланія Евсевія ничего не доказываетъ и должно быть обращено про-

тивъ автора. Впрочемъ, кажется, наше дѣло рецензента будетъ много яснѣе и проще, если мы переведемъ разбираемую параллель на русскій языкъ. Мѣсто изъ посланія Валентиніана гласитъ: „анаѳематствуемъ и тѣхъ, которые неискренно анаѳематствовали говорящаго, что до рожденія Сына не было, но писали, что Сынъ и прежде, чѣмъ родился въ дѣйствительности, былъ во Отцѣ въ возможности“. А слова Евсевія въ переводѣ значатъ слѣдующее: „не неумѣстнымъ признано анаѳематствовать выраженіе: (Сынъ) не былъ до рожденія..... потому что прежде чѣмъ родился въ дѣйствительности, Онъ былъ у Отца въ возможности—нерожденно“. Не правда ли, что даже и въ русскомъ переводѣ сходство этихъ двухъ мѣстъ поразительно? Но повторяемъ: это-то и сдѣлалось камнемъ соблазна для г. Самуилова. Ибо извѣстно: не все то золото, что блеститъ, не все то по своей природѣ одинаково, что кажется такимъ.

Прежде всего въ укоръ автору поставимъ *способъ*, какимъ онъ добылъ параллельное мѣсто изъ Евсевія. Этотъ способъ заслуживаетъ порицанія. Евсевій въ своемъ посланіи (въ концѣ его) ¹⁾ произноситъ анаѳематствованіе противъ выраженія: (Сынъ) „не былъ до рожденія“, а затѣмъ вводитъ въ свое посланіе совершенно православныя разсужденія императора Константина о плотскомъ рожденіи Сына Божія, а между этими разсужденіями встрѣчается и такое: „прежде чѣмъ родился въ дѣйствительности, Онъ (Сынъ Божій) былъ у Отца въ возможности — нерожденно“. Какъ же поступаетъ съ этимъ мѣстомъ посланія Евсевія г. Самуиловъ? Если благосклонный читатель обратитъ вниманіе на греческій оригиналъ этого мѣста, то онъ усмотритъ, что въ книгѣ г. Самуилова (откуда взято нами самое это мѣсто) приводимый текстъ раздѣленъ въ срединѣ на двѣ

¹⁾ Для большей наглядности нашихъ доказательствъ приведемъ разсуждаемое мѣсто сполна: „не неумѣстнымъ признано анаѳематствовать выраженіе: (Сынъ) „не былъ до рожденія“, ибо всѣми исповѣдуется, что Онъ есть Сынъ Божій и до рожденія Своего *во плоти*. Самъ боголюбивѣйшій царь нашъ (Константинъ) доказалъ отъ разума, что Сынъ Божій по божественному своему рожденію существуетъ прежде всѣхъ вѣковъ, потому что прежде чѣмъ родился въ дѣйствительности, Онъ былъ у Отца въ возможности — нерожденно“.

части двумя линиями (въ русскомъ переводѣ этимъ послѣднимъ соотвѣтствуетъ многоточіе). Линіи эти представляютъ собой, скажу прямо, ловушку, въ которую авторъ желаетъ поймать читателя, но въ которую, вмѣсто того, попадаетъ онъ самъ, г. Самуиловъ. Не всякій догадается, въ чемъ дѣло, т. е., что значать эти раздѣлительныя линіи, поставленныя авторомъ среди текста. Но лишь только мы свѣримъ текстъ г. Самуилова съ Евсевіевымъ оригиналомъ, какъ сейчасъ же убѣждаемся, что текстъ нашего автора представляетъ собой фабрикацію, и притомъ самую недоброкачественную. Евсевій въ подлинникѣ пишетъ, что соборъ никейскій положилъ анаѹему на говорящихъ, что Сынъ Божій „не былъ до рожденія“ (*это нашъ авторъ приводитъ буквально*); затѣмъ Евсевій сообщаетъ свѣдѣніе, что и царь (Константинъ) любилъ разсуждать о Сынѣ Божіемъ, *явившемся во плоти. (Это сообщеніе нашъ авторъ пропускаетъ)*; затѣмъ Евсевій приводитъ самыя мысли Константина о Богѣ, рождшемся по плоти, мысли совершенно православныя (*изъ этихъ мыслей царя авторъ беретъ лишь одну мысль или точнѣе: одну фразу, приписывая ее самому Евсевію*). Такимъ образомъ открывается что свой анаѹематизмъ (выдаваемый однакожь за Евсевіанскій) авторъ сочинилъ искусственно, взявъ въ качествѣ матеріала для него слова изъ посланія Евсевія, не имѣющія между собой дѣйствительной связи и принадлежащія разнымъ лицамъ. Въ этомъ видѣ слова изъ посланія Евсевія стали очень похожи на извѣстныя слова посланія Валентиніана. Но о чемъ свидѣтельствуетъ это сходство? Ни о чемъ другомъ, кромѣ тенденціозности автора. Но вышеуказаннымъ еще не исчерпываются извращенія Евсевіанскаго текста у нашего автора. У Евсевія въ разсматриваемомъ мѣстѣ приводятся мысли Константина, мысли совершенно православныя, о томъ, что Сынъ Божій сначала (отъ вѣка) пребывалъ въ лонѣ Отца, а потомъ родился, т. е. воплотился, а нашъ авторъ превращаетъ эти христологическія мысли въ тринитарныя (но это еще не самая большая бѣда) и — главное — придаетъ имъ смыслъ аріанскій, еретическій. А именно выраженія Константина: „прежде чѣмъ родился въ дѣйствительности, Онъ (Сынъ) былъ у Отца въ возможности — перожденно“ — эти выраженія въ анаѹематизмѣ,

сфабрикованномъ у нашего автора, отнесены къ такимъ, на которыя падаетъ анаѳема. Если же разбираемая выраженія Константина и по мысли нашего автора имѣютъ православный смыслъ, то цѣли его (г. Самуилова) они служить не могли бы, такъ какъ у Валентиніана на подобныя же изреченія произносится прямая анаѳема. Вообще авторъ попадаетъ въ безысходное положеніе: или слова Константина изъ посланія Евсевія: „прежде чѣмъ родился“ православы, а въ такомъ случаѣ они не могутъ служить параллельнымъ мѣстомъ въ отношеніи къ подобнымъ же словамъ у Валентиніана; или же эти же слова Константина еретичны, подобно тому, какъ такія же слова имѣютъ еретическій смыслъ у Валентиніана, но въ такомъ случаѣ самъ Константинъ превращается въ явнаго еретика (чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ). Авторъ, желая быть послѣдовательнымъ, долженъ допускать послѣдній выходъ изъ альтернативы, хотя онъ, по очень понятнымъ побужденіямъ, и не даетъ прямого рѣшенія этого вопроса ¹⁾.

Полагаю, что теперь читатель вполне увѣрился въ томъ, насколько искусственъ текстъ, сфабрикованный г. Самуиловымъ, въ видѣ параллельнаго мѣста къ анаѳематизму Валентиніанова посланія. Но читатель, безъ сомнѣнія, этимъ не удовлетворится и спроситъ: „однакоже, какъ могло случиться, что почти всѣ выраженія анаѳематизма, находящагося въ посланіи Валентиніана буква-въ-букву встрѣчаются и въ посланіи Евсевія къ кесарійцамъ? Вѣдь, г. Самуиловъ сочинилъ редакцію текста, а не сочинялъ самыхъ выражений“. Читатель совершенно правъ, дѣлая это возраженіе. Это же самое возраженіе несомнѣнно предносилось уму г. Самуилова, оно руководило имъ и окрыляло его, — но прибавлю: оно же и стубило весь трудъ автора, превративъ его ученую работу въ достойное сожалѣніе празднословіе.

¹⁾ Самъ авторъ несомнѣнно запутался съ его сфабрикованнымъ анаѳематизмомъ, какъ объ этомъ ясно даетъ знать его „Рѣчь“. Здѣсь онъ вынужденъ былъ перевести по русски весь свой анаѳематизмъ (стр. 120), но сдѣлать этого онъ *не могъ*. Чтобы какъ нибудь выдти изъ неловкаго положенія, онъ не даетъ перевода заключительнаго слова изъ анаѳематизма: ἀγεννήτως. Это слово слѣдовало бы перевести: „не родившись, не воплотившись“, но такой переводъ въ прахъ низвергъ бы всѣ начинанія автора.

Но приступаемъ къ дѣлу, т. е. начнемъ рѣшать сейчасъ поставленное возраженіе. Напередъ должны сказать, что дѣло это весьма легко и весьма просто. Въ различныхъ догматическихъ произведеніяхъ, касающихся однихъ и тѣхъ же предметовъ, написанныхъ въ одно и тоже время, на одномъ и томъ же языкѣ и лицами приблизительно одного и того-же развитія — весьма легко встрѣчать фразы очень сходныя между собою. Это всеѣмъ извѣстно. Но на этой общей мысли мы впрочемъ не думаемъ остановиться. Дадимъ нѣкоторыя детальныя разъясненія, которыя, какъ намъ кажется, могутъ разъяснить недоумѣнія совопросниковъ.

Анаѳематизмъ посланія Валентиніанова, къ которому (анаѳематизму) требовалось нашему автору подыскать параллельное мѣсто, состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой, очевидно, находится косвенное анаѳематствованіе противъ самого Арія: *ἀναθεματίζομεν.... τὸν εἰπόντα, ὅτι πρὶν γεννηθῆναι οὐκ ἦν ὁ Υἱός;* но эти слова посланія Валентиніана заняты всеѣмъ не у Евсевія. У Евсевія и Валентиніана былъ одинъ — общій источникъ, столь же извѣстный въ IV вѣкѣ, какъ въ настоящее время гимнъ: „Боже царя храни“ — это символъ Никейскаго собора, къ которому были приложены анаѳематствованія на Арія; а въ этихъ анаѳематизмахъ читаемъ; *τοὺς λέγοντας, πρὶν γεννηθῆναι οὐκ ἦν, ἀναθεματίζει* (церковь). Вотъ источникъ Евсевіанскаго и Валентиніановскаго анаѳематизма противъ Арія (кстати замѣтимъ, что у Валентиніана въ приведенномъ текстѣ стоитъ слово: *πρὶν* — такъ же, какъ и въ символѣ — а у Евсевія: *πρὸ τοῦ* — свободная версія: еслибы разбираемая фраза (Валентиніана) взята была изъ Евсевія, то мы пошли бы въ ней: *πρὸ τοῦ*.)—Что касается второй части анаѳематизма Валентиніановскаго посланія: „но пишущихъ, что Сынъ прежде чѣмъ родился въ дѣйствительности, былъ во Отцѣ въ возможности“, то эта часть анаѳематизма взята не изъ Евсевія и вообще не изъ какого либо опредѣленнаго письменнаго аріанскаго памятника. Фраза, что „Сынъ прежде чѣмъ родился (произошелъ) въ дѣйствительности, былъ въ Отцѣ въ возможности“ (т. е. лишь въ потенціи), безъ сомнѣнія была ходячею фразою среди аріанъ: по всей вѣроятности, аріане повторяли ее постоянно — въ своихъ летучихъ лист-

какъ и въ разговорѣ ¹⁾ — въ отвѣтъ православнымъ, которые въ подобныя же, по формѣ, выраженія влагали свой православный смыслъ. Источникомъ арианскаго изреченія, находящагося въ Валентиніановомъ анаѳематизмѣ, была не та или другая книга, а жизнь, жизнь арианъ IV вѣка съ ея литературой вообще и съ догматическими словопреніями ²⁾. Если же допустимъ, что это изреченіе занято Валентиніаномъ изъ посланія Евсевія, то мы тѣмъ самымъ допустимъ нѣчто противное здравому смыслу. Выше мы показали, что ни одна фраза Валентиніанова посланія не занята изъ Евсевія. Сходство между двумя разсматриваемыми памятниками *по буквѣ* (а не по смыслу) есть только въ одной и единственной фразѣ: „Сынъ прежде чѣмъ родиться въ дѣйствительности“ и т. д. Но что же? Неужели можно думать, что императоръ Валентиніанъ или точнѣе его статсъ-секретарь, составляя извѣстное посланіе, обложился источниками (книгами) и въ одномъ изъ нихъ — посланіи Евсевія — нашель выраженіе, понравившееся исполнителю царской воли — и онъ взялъ его, съ усѣченіемъ кончика, на прокатъ, хотя смыслъ выраженія у Евсевія совсѣмъ не тотъ,

¹⁾ Признаюсь: я не наталкивался въ арианскихъ источникахъ на разбираемую фразу — въ томъ именно видѣ, какъ она встрѣчается у Валентиніана; но за то вотъ свидѣтельство Филосторгія (II, 15) объ извѣстномъ арианинѣ Θεογνιστῆ: *ὁ δὲ τὸν Θεὸν καὶ πρὸ τοῦ γεννηῆσαι τὸν υἱὸν πατέρα οἶεται, ἅτε δὴ τῆν δόξαν αὐτὴν ἐχόντα τοῦ γεννηῆσαι*. Мысль тождественная съ мыслию, находящеюся у Валентиніана, да и слововыраженіе не особенно много разнится.

²⁾ Возможно впрочемъ, что источникомъ разсматриваемаго анаѳематизма Валентиніанова въ его *цѣломъ* служили опредѣленія православнаго собора Илирійскаго (370 г.). Послы отъ этого собора прибыли къ Валентиніану, ознакомили его съ дѣятельностію Илирійскаго собора, предложили ему принять мѣры противъ арианъ асійскихъ. Подъ вліяніемъ этихъ извѣстій, а равно и опредѣленій илирійскаго собора Валентиніанъ и составилъ или приказалъ составить своему секретарю посланіе, при чемъ быть можетъ въ него внесены были нѣкоторыя формулы изъ соборныхъ опредѣленій. Но къ сожалѣнію, эти послѣднія опредѣленія — въ истинномъ ихъ видѣ до насъ не сохранились. — Еслибы эти опредѣленія были у насъ подъ руками, быть можетъ, уяснилось бы и то, о какихъ это „пищущихъ“ говорится у Валентиніана. Что здѣсь нельзя разумѣть Евсевія — это несомнѣнно, ибо *одинъ человекъ* не можетъ быть названъ „пищущими“. Но кто именно здѣсь разумѣется, остается не совсѣмъ ясно.

какой надобень былъ редактору посланія. Такъ не поступаютъ даже десятилѣтнія дѣти, пріучающіяся писать письма...

Послѣ тщательнаго и обстоятельнаго сличенія посланія Валентиніана съ посланіемъ Евсевія открывається: имѣлъ ли право г. Самуиловъ возвѣщать, что въ первомъ изъ документовъ встрѣчаются будто бы „дословныя выдержки изъ письма Евсевія“ и что будто бы „аріане (которыхъ характеризуетъ Валентиніанъ) съ буквальною точностію повторяли мысли, раскрытыя въ его же письмѣ къ кесарійцамъ“?

Кажется, никто не имѣлъ бы права дѣлать намъ упрековъ, еслибы на этомъ сличеніи двухъ посланій мы и закончили нашу рѣчь объ отношеніи послѣ-никейскаго аріанства къ Евсевію, вызванную тѣмъ, что мы выше назвали *первымъ доводомъ* нашего автора. Но мы намѣрены еще нѣсколько продолжить нашу рѣчь по тому же поводу. Къ этому побуждаетъ насъ желаніе высказать нѣсколько собственныхъ соображеній, основанныхъ на общеизвѣстныхъ источникахъ, и еще разъ доказать неправоту нашего автора.

Нужно замѣтить, что производя сличеніе посланій Валентиніанова и Евсевіева, авторъ при этомъ вплетаетъ нѣсколько своихъ поясненій, которымъ онъ придаетъ особенную цѣну, такъ какъ онъ ихъ помѣщаетъ и въ книгѣ, и въ собственной „Рѣчи“, произнесенной предъ коллоквиумомъ. Само собой понятно, что эти поясненія автора наклоняются въ пользу его излюбленной идеи, но — какъ увидимъ — безо всякаго успѣха.

Въ посланіи Валентиніана, какъ мы уже знаемъ, есть слѣдующая фраза, которую проводитъ и нашъ авторъ и которую онъ относитъ ни къ кому другому, какъ Евсевію кесарійскому: „единосущіе (*τὸ ὁμοούσιον*) мы (Валентиніанъ) понимаемъ не такъ, какъ нѣкогда толковали не искренно подписавшіе никейскій символъ“. Приведши эту фразу, нашъ авторъ совершенно *ex abrupto* замѣчаетъ: „объясненіе же смысла: „*ὁμοούσιος* съ точки зрѣнія неискренно подписавшихъ никейскій символъ, мы имѣемъ только у Евсевія въ его посланіи къ кесарійцамъ“ (стр. 86). Но прежде чѣмъ говорить такъ утвердительно о томъ, что вовсе не ясно и не представляетъ исторической истины общепризнаннаго значенія, автору слѣдовало бы дать себѣ отчетъ

вотъ въ чемъ: о какихъ это лицахъ, „не искренно подписавшихъ никейскій символъ“ говорится здѣсь? Если авторъ скажетъ: объ Евсеіи“, то для этого не найдется у него никакихъ основаній. Напротивъ *все* свидѣтельствуется противъ мнѣнія автора. Начать съ того, что въ разбираемой фразѣ дѣло идетъ о многихъ „не искренно подписавшихся“, а Евсеій въ своемъ посланіи, какъ извѣстно, говоритъ только отъ своего *единого* лица. Слѣдовательно фраза Валентиціана, по ея буквѣ, никакъ не можетъ относиться къ Евсеію. Но это еще, пожалуй, не такъ важно. Гораздо важнѣе слѣдующее: хотя въ новѣйшей литературѣ и приписывается нерѣдко Евсеію „неискренность“ въ подписываніи символа никейскаго, но нужно сознаться, что въ древности никто и никогда не упрекалъ Евсеія въ подобномъ поступкѣ. Св. Аѳанасій многое число разъ говоритъ объ Евсеіи въ связи съ собственнымъ новѣствованіемъ о соборѣ никейскомъ, но никогда не упрекаетъ кесарійскаго епископа въ указаннаго рода неискренности. Еслибы нашъ авторъ зналъ такое свидѣтельство — кому бы оно ни принадлежало въ древности, — то онъ, конечно, привелъ бы его; но онъ не приводитъ такого свидѣтельства, потому что ничего такого не существуетъ въ источникахъ. Да и не къ чему дѣлать явныя натяжки и разумѣть въ разбираемой фразѣ именно Евсеія, когда въ самыхъ авторитетныхъ источникахъ IV и V вѣка можно находить, неподлежащее сомнѣнію, указаніе на то: кого христіанская древность обвиняла въ неискренномъ подписываніи символа. Такъ у св. Евстаѳія, епископа антїохійскаго, св. отца, засѣдавшаго на никейскомъ соборѣ, находимъ такое свидѣтельство: когда происходилъ никейскій соборъ, то „на среду явилось сочиненіе Евсеія, исполненное богохульнаго его ученія (т. е. Евсеія никомидійскаго). Бывъ прочитано въ слухъ всѣхъ, оно причинило слушателямъ неизъяснимую скорбь своимъ безобразіемъ, а самого сочинителя покрыло невыносимымъ стыдомъ. Теперь работа Евсеіанъ обнаружилась и нечестивое сочиненіе ихъ предъ лицомъ всѣхъ разодрано: боясь, какъ бы по приговору столь великаго собора не быть низверженными изъ церкви, приверженцы Арія (еписк. Никомидійскій и его клеветы) встали и предали анаѳемѣ осужденное соборомъ ученіе, а символъ, из-

ложенный единодушнымъ согласіемъ, *собственноручно подписали*“ ¹⁾). Подобное же свидѣтельство, совершенно не зависимое отъ Евстаѳіева, можно находить у Руфина въ его „исторіи“, написанной въ самомъ началѣ V-го или же въ концѣ IV вѣка. Здѣсь говорится, что одиннадцать арианскихъ епископовъ, не чувствуя внутренняго согласія съ опредѣленіями собора, только рукою подписали символъ никейскій, и что главой такихъ лицемѣровъ былъ Евсевій никомидійскій ²⁾). Такимъ образомъ, очевидно, что лицами, „не искренно подписавшими“ символъ, по ясному свидѣтельству древности, были Евсевій никомидійскій и его сообщники. Прилагать же разсматриваемое выраженіе Валентиніанова посланія къ Евсевію кесарійскому нѣтъ основаній.

Столь же мало основаній имѣетъ нашъ авторъ прилагать къ Евсевію кесарійскому и дальнѣйшія слова разбираемаго Валентиніанова посланія, именно слова: „и теперь (т. е. во время написанія этого посланія, въ 370 г.) называющіе отцами тѣхъ (т. е. неискренно подписавшихъ символъ никейскій), согласно съ ихъ писаніями, не обращая вниманія на силу слова толкуютъ, что словомъ: единосущіе выражается „подобіе“, по которому Сынъ не равняется ни съ однимъ изъ прочихъ созданныхъ Имъ твореній, но уподобляется одному Богу“. Какимъ образомъ эта фраза можетъ относиться къ Евсевію кесарійскому — неизвѣстно. Не понимаетъ этого и авторъ. А потому вмѣсто толковаго объясненія отдѣляется, никакого значенія не имѣющимъ, замѣчаніемъ: „единственный опытъ истолковать *ὁμοούσιος* не въ смыслѣ равенства по сущности Сына съ Отцемъ данъ въ посланіи Евсевія къ кесарійцамъ“ (86) ³⁾). Пред-

¹⁾ Феодорита. Церк. Исторія кн. I, по однимъ изданіямъ гл. 7, а по другимъ 8.

²⁾ Reliqui vero undecim, consilio inter se habito, ad quiescunt ad subscribendum manu sola, non mente. Cujus simulationis auctor praecipue extitit Nicomediae episcopus. Rufini. Histor. 1, 5 (Migne. Lat. tom. 21, p. 472). А о Евсевіи кесарійскомъ при этомъ случаѣ—ни слова.

³⁾ Въ своей „Рѣчи“ сейчасъ приведенный комментарий авторъ излагаетъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, онъ говоритъ: „единственный опытъ истолковать *ὁμοούσιος* въ смыслѣ *ὁμοιος* и въ тѣхъ же (?) выраженіяхъ данъ въ посланіи Евсевія“ (120); но и въ этомъ измѣненномъ комментарий толку мало.

лагая такой комментарий авторъ морочить не только читателей, но и самого себя. Онъ увѣряетъ, что будто бы въ приведенной фразѣ Валентиніанова посланія рѣчь ведется „о неравенствѣ Сына Божія со Отцемъ по существу“, о чемъ будто бы совершенно такъ же училъ и Евсевій въ своемъ, много разъ названномъ нами, посланіи. Но въ посланіи Валентиніана говорится о такихъ аріанахъ, которые, допуская подобіе Сына Божія Отцу, въ тоже время учили, что Онъ одна изъ тварей, хотя и высшая *прочихъ* тварей, Самимъ Сыномъ созданныхъ; но такого ученія нѣтъ у Евсевія не только въ посланіи къ кесарійцамъ, но, кажется, и нигдѣ въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ (какъ объ этомъ было уже замѣчено выше). Вмѣсто того, чтобы попусту бить словами воздухъ, приплетая совершенно не къ дѣлу Евсевія кесарійскаго, автору надлежало бы уяснить и себѣ, и раскрыть для читателей: о какихъ это „отцахъ“ говорится въ приведенномъ мѣстѣ у Валентиніана, которымъ слѣдовали аріане, здѣсь обличаемые, и какія—такія это „писанія“, которыя эти-же аріане считали для себя авторитетными? Если бы авторъ постарался уяснить это, то онъ былъ бы скромнѣе въ своихъ выводахъ, а можетъ быть и совсѣмъ не сталъ бы дѣлать ихъ. Понятное дѣло, что подъ „отцами“ нельзя разумѣть здѣсь Евсевія, какъ склоненъ думать авторъ; ибо *одного* человѣка нельзя именовать „отцами“, вопреки логикѣ и грамматикѣ. А равно нельзя называть „писаніями“ и посланіе Евсевія къ кесарійцамъ; ибо объ одномъ трудѣ нельзя выразиться во множественномъ числѣ. Какіе отцы разумѣются въ разбираемомъ мѣстѣ, надъ этимъ вопросомъ ломать голову не приходится, ибо это давнымъ-давно открыто. Старецъ Генрихъ Валуа, съ которымъ авторъ знакомъ, но на котораго онъ мало обращаетъ вниманія, говоритъ: подъ тѣми лицами, которыя въ разбираемомъ мѣстѣ „именуются отцами надлежитъ разумѣть членовъ Антиохійскаго собора, происходившаго во время такъ называемыхъ *обновленій* (341 г.). Ибо полуаріане обычно называли ихъ отцами, какъ свидѣтельствуешь Сократъ въ самомъ концѣ второй книги, гдѣ у него рассказывается о соборѣ селевкійскомъ“ (359 г.)¹⁾.

¹⁾ Комментарій Генриха Валуа къ Церк. Исторіи Феодорита Migne, gr. tom. 82, p. 1568.

Замѣчаніе Валуга нужно признать вполне справедливымъ. По всѣмъ признакамъ, разбираемое выраженіе Валентиніанова посланія должно быть относимо сюда — и только сюда. Начать съ того, что позднѣйшіе ариане дѣйствительно съ глубокимъ уваженіемъ смотрѣли на соборъ антиохійскій, происходившій во время „обновленій“. Извѣстнѣйшіе арианскіе епископы Акакій, Евдоксій и Патрофилъ, по свидѣтельству св. Аѳанасія, высоко ставили авторитетъ опредѣленій антиохійскаго собора 341 года и давали даже клятву, что они „будутъ мудрствовать такъ же, а не иначе“. (Аѳанас. Посланіе о соборахъ. Рус. пер. ч. III, стр. 161). Спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ выразили это свое мнѣніе указанные ариане, цѣлый соборъ селевкійскій-аріанскій опредѣлялъ: „мы не отвергаемъ подлинности вѣроизложенія, составленнаго въ Антиохіи при обновленіи храма и отдаемъ ему преимущество“, при чемъ члены собора антиохійскаго названы прямо: „отцами нашими“ (Сократа II, 40. Слич. Аѳанас., *ibid* и стр. 150). На томъ же селевкійскомъ соборѣ арианинъ Елевзій „называлъ исповѣданіе, изложенное въ Антиохіи, вѣрою отцевъ“ (Сократа, *ibid.*). Послѣ собора селевкійскаго (слѣдовательно предъ временемъ самаго появленія Валентиніанова посланія) извѣстный Македоній „увѣщевалъ своихъ приверженцевъ держаться исповѣданія вѣры, изложеннаго въ Антиохіи, а потомъ подтвержденнаго въ Селевкіи“ (Сократа, II, 45).— Весьма важно отмѣтить еще то, что между членами антиохійскаго собора встрѣчаемъ такія именно лица, которыя раньше этого присутствовали на соборѣ никейскомъ, но подписались подъ опредѣленіями здѣсь „неискренно“ — разумѣемъ Евсевія никоидійскаго и Патрофила скиѳопольскаго (Аѳан. *ibid.*, 161. Сл. Θεодорита. Истор. I, гл. 6, а по другимъ 7). А что касается Евсевія кесарійскаго, то его не было на соборѣ антиохійскомъ, по той неопровержимой причинѣ, что въ это время его уже не существовало на свѣтѣ († 340).—Нашъ авторъ придаетъ большое значеніе тому обстоятельству, что ариане Валентиніанова посланія допускали „подобіе“ Сына Божія Отцу, какъ такое же подобіе признавалъ и Евсевій кесарійскій. Но, по нашему мнѣнію, гораздо болѣе основаній допускать, что указанные ариане во ученіи о „подобіи“ слѣдовали совсѣмъ не Евсе-

вію, а опредѣленіямъ антиохійскаго собора, ибо и на этомъ соборѣ ученіе о подобіи признавалось и утверждалось. Аѳанасій прямо удостовѣряетъ, что соборъ антиохійскій раскрывалъ ученіе о подобіи Сына съ Отцемъ, именуя Его „безразличнымъ образомъ сущности Отца“ (ibid., 160). Дѣйствительно, въ одномъ изъ вѣроопредѣленій собора антиохійскаго 341 года Сынъ наименованъ: „безразличнымъ образомъ Отцаго Божества, воли, силы и славы“ (ibid., 135). Руководясь ученіемъ собора антиохійскаго, епископы собора севекійскаго, 359 г., называли Сына подобнымъ Отцу (Сократ., II, 40). Позднѣе, т. е. около того времени, какъ составлено было посланіе Валентиніана, Македоній соборъ антиохійскій и его вѣроопредѣленія почему-то называлъ „подобосущіемъ“ (Сократ., II, 45).—Наконецъ, гораздо болѣе смысла прилагать выраженіе: „писанія“, встрѣчающееся въ разбираемомъ посланіи и относимое нашимъ авторомъ къ посланію Евсевія, — прилагать къ вѣроизложенію собора антиохійскаго, чѣмъ къ этому посланію. Нужно сказать, что соборомъ антиохійскимъ въ одномъ и томъ же 341 году, во время „обновленій“ изданы были четыре редакціи вѣроизложенія: эти редакціи могутъ называться съ большимъ правомъ: „писаніями“, чѣмъ *одно* посланіе архиепископа кесарійскаго. Правда, въ посланіи Валентиніановомъ аріанамъ приписано ученіе о творной природѣ Сына Божія (этотъ пунктъ, какъ мы знаемъ, скрываетъ нашъ авторъ), но такого ученія не встрѣчается у Евсевія. За то, хоть и не безъ нѣкоторой натяжки, оно можетъ быть найдено въ опредѣленіяхъ антиохійскаго собора: по всей вѣроятности, утрированное въ интересахъ полемики, аріанское ученіе о тварности Сына Божія, обличаемое въ посланіи Валентиніана, все же болѣе соотвѣтствуетъ антиохійскому собору, руководимому еретиками, чѣмъ посланію Евсевія, исключаяющему всякую возможность мысли о Сынѣ Божіемъ, какъ твари.

Итакъ мы разсмотрѣли какъ параллельныя мѣста изъ посланій Валентиніана и Евсевія, которыми (мѣстами) пользуется авторъ для доказательства зависимости позднѣйшихъ аріанскихъ фракцій отъ Евсевія кесарійскаго, такъ и авторскіе комментаріи къ этимъ параллелямъ, и въ резуль-

татѣ находимъ, что ни параллели, ни комментаріи автора не представляютъ ничего убѣдительнаго.

II.

Вопросъ: доказываетъ ли второй изъ преждеприведенныхъ нами доводовъ автора то, что нужно было бы доказать?

Отвѣтъ: нѣтъ нисколько не доказываетъ.

Если полуаріане (по автору: оміи) дѣйствительно находились подъ вліяніемъ догматическихъ воззрѣній Евсевія кесарійскаго, то историкъ вправѣ уповать, что имя Евсевія часто или изрѣдка, тамъ или здѣсь, въ такое или другое время упоминается въ сочиненіяхъ аріанскихъ, а такихъ сочиненій достаточно сохранилось и до нашихъ дней. Нельзя представить себѣ, чтобы благодарные ученики и послѣдователи Евсевія никогда не называли въ своихъ произведеніяхъ по имени своего „духовнаго вождя“ („отъ избытка сердца уста глаголятъ“). Но удивительное дѣло: почитатели Евсевія аріане почему-то упорно молчатъ о своемъ вождѣ. Правда, нашъ авторъ указываетъ одинъ случай, когда нѣкій аріанинъ цитируетъ Евсевія кесарійскаго, но этому факту мы не должны придавать ни малѣйшаго значенія. Да и самъ г. Самуиловъ, повидимому, не столько радуется своей находкѣ, сколько смущается отъ нея, какъ это сейчасъ усмотримъ. Въ самомъ дѣлѣ, странно уже и то, что имя Евсевія почему-то произнесъ лишь „послѣдній представитель аріанства на Западѣ — епископъ Максиминъ“ (См. „Рѣчь“, стр. 120)¹⁾. Но хоть послѣдній изъ аріанъ—Максиминъ, а все же онъ произнесъ имя аріанскаго „первоучителя“ (какимъ желаетъ сдѣлать Евсевія нашъ авторъ);

¹⁾ Bessell (über das Leben des Ulfilas. 1860, а кажется), и Waitz (üb. das Leben des Ulfila 1840)—два издателя и изслѣдователя нѣкоторыхъ отрывковъ аріанской литературы—которыми пользуется г. Самуиловъ, признають лицомъ, у котораго встрѣчается ссылка на епископа кесарійскаго — не Максимиана, а аріанина Авксентія (Bess. S. 4; Waitz S. 33), но русскій писатель почему-то не обращаетъ на это вниманія. Ужъ не подмѣнилъ ли намъ авторъ по какимъ нибудь соображеніямъ одного имени другимъ? Впрочемъ для нашей цѣли все равно — былъ ли Максиминъ или Авксентій почитателемъ Евсевія (какого почитателя отыскиваетъ авторъ). Въ виду этого, мы согласны послѣдовать автору и станемъ Авксентія именовать Максиминомъ, не различая одного отъ другого.

и это обстоятельство все-же нѣсколько ободряетъ автора. Объ этомъ Максиминѣ, оказавшемъ такую услугу автору, сей послѣдній упоминаетъ не разъ, провозглашая его самоподлиннѣйшимъ ученикомъ Евсевія. Авторъ говоритъ: „послѣдній омій Запада Максиминъ ссылается въ своемъ ученіи на авторитетъ Евсевія“ (стр. 42). Или при другомъ случаѣ авторъ говоритъ: „Максиминъ ссылается на авторитетъ Евсевія; отсюда необходимымъ является выводъ, что онъ имѣлъ подъ руками сочиненія Евсевія и былъ вполне вѣрнымъ его послѣдователемъ“ (142). Но вотъ что странно: авторъ вообще очень аккуратный по части цитаціи и любящій приводитъ тирады изъ подлинниковъ подъ строкой, на этотъ разъ почему-то въ существеннѣйшей части книги (текстъ ея) ни однажды не знакомитъ читателя въ желаемой точности съ документомъ, на которомъ основывается вышеприведенное его сужденіе. Правда, при одномъ случаѣ (42) у автора встрѣчаемъ ссылку на Waitz'a (гдѣ дѣйствительно находятся дорогія для автора слова). Нос et Eusebius storiographus—приводитъ авторъ и самыя слова аріанскаго епископа; но почему-то приводитъ уже въ слишкомъ усѣченномъ видѣ, не показывая, въ какой комбинаціи они сказаны Максиминомъ. Мало того: авторъ при семъ удобномъ случаѣ не соблаговолилъ объяснить: можно ли гдѣ эти же слова, не въ видѣ отрывка, но въ видѣ цѣлой фразы отыскивать хоть въ „Приложеніяхъ къ его книгѣ (книга автора, нужно сказать, состоитъ изъ текста и довольно многочисленныхъ „приложеній“)? А въ „приложеніяхъ“, куда рѣдко кто заглянетъ, эта фраза дѣйствительно обрѣтается, но только авторъ по какимъ-то соображеніямъ, не выставляетъ ее на первый планъ въ предъидущей важнѣйшей части сочиненія. Слова Максимиана въ полномъ видѣ можно находить только на 32 стр. *прилож.*, но авторъ не спѣшитъ своевременно ознакомить съ ними читателя. Да и въ „приложеніяхъ“ разбираемое мѣсто изъ Максимиана помѣщено какъ будто мимоходомъ въ § подъ заглавіемъ: „Годъ смерти Ульфила“. (Кому придетъ на мысль искать здѣсь свидѣтельство Максимиана о его будто-бы начитанности въ сочиненіяхъ Евсевія? Притомъ и здѣсь оно помѣщено не для доказательства авторитетности Евсевія среди полуаріанъ, а совсѣмъ съ другою цѣлю). Случайность все это

или нѣтъ—не знаемъ.... Но можемъ съ полною искренностію сказать, что авторъ и хорошо дѣлаетъ, если старательно скрываетъ слова Максимина отъ взоровъ читателя. Если бы г. Самуиловъ на первыхъ страницахъ своего произведенія и полностью процитировалъ ихъ, то читателю ничего не оставалось бы дѣлать, какъ съ перваго же раза вычеркнуть имя Максимина изъ числа „последователей“ Евсевія, будто бы начитанныхъ въ его сочиненіяхъ и „признающихъ его авторитетъ“. Вотъ эти многообѣщавшія, но мало что дающія слова. Авторъ пишетъ: вотъ „разсужденія Максимина: hoc secundum divinum magisterium Arrii... па (т. е. divina, какъ читаетъ Вайтцъ) ¹⁾ professio (по русски: „вотъ сообразное съ божественнымъ ученіемъ божественное исповѣданіе Арія“), ²⁾ hoc et Theognius (т. е. отъявленный аріанинъ крайняго направленія—Теогнисъ никейскій, должны добавить мы отъ себя), hoc et Eusebius storiographus et ceteri *conplurimi* episcopi“. Итакъ, что же мы видимъ здѣсь? Максиминъ, перечисляя богослововъ — писателей, сочиненія которыхъ онъ зналъ, на третьемъ мѣстѣ поставляетъ Евсевія, а во главѣ всѣхъ ересіарха Арія. Кому же изъ этихъ лицъ больше сочувствовалъ Максиминъ? Конечно, Арію, ибо ученіе Арія онъ называетъ „божественнымъ исповѣданіемъ“, а ученіе Евсевія никакъ не называетъ. Ясное дѣло, что еслибы для него былъ дорогъ Евсевій,

1) Или же: cristiana. Рукопись, съ которой въ текущемъ столѣтіи напечатанъ текстъ документа, сохранилась не очень хорошо и имѣетъ много дефектовъ. См. замѣчанія объ этомъ у Waitz'a, Bessel'я, а съ ихъ словъ и у Самуилова.

2) Нашъ авторъ впрочемъ склоненъ внушать читателю нѣсколько другой переводъ. Послѣ словъ magisterium Arrii онъ дѣлаетъ отъ себя вставку на русскомъ языкѣ, въ которой выражается мысль, что подъ предыдущими словами разумѣется одно (конечно, еретическое) письмо Арія къ Александру. Значитъ онъ думаетъ переводить такъ: „вотъ другое божественное ученіе Арія“; но въ такомъ случаѣ послѣднія слова предложенія: divina confessio будутъ совсѣмъ лишними. Мы же напротивъ считаемъ слова: secundum divinum magisterium за дополнительныя слова, а подлежащимъ считаемъ: divina confessio. Впрочемъ разницы большой нѣтъ—переводить ли такъ, какъ хочетъ авторъ или какъ переводимъ мы.—Нужно бы войти въ нѣкоторыя подробности касательно замѣчанія автора о письмѣ Арія, какое будто бы разумѣется подъ словами divinum magisterium, но мы не желаемъ злоупотреблять гостепрѣимствомъ журнала, открывшаго свои страницы для нашей статьи —и потому въ подробности не вдаемся.

какъ учитель аріанъ, то выраженіе: *divina confessio* (или: *divinum magisterium*) досталось бы на долю Евсевія, а не Арія ¹⁾). Не говоримъ уже о томъ, что кто былъ жаркимъ почитателемъ ересіарха, тотъ не могъ быть почитателемъ Евсевія, никогда не заявлявшаго горячихъ симпатій къ Арію и въ особенности къ его ученію (онъ осуждалъ это ученіе, какъ крайность), хотя подъ вліяніемъ политики Константина, послѣдняго періода жизни царя, и соглашался на все, къ чему клонилась эта политика... Но всей вѣроятности, Максиминъ былъ просто знакомъ съ какими-либо сочиненіями Евсевія, какъ онъ былъ знакомъ съ произведеніями православныхъ отцевъ Амвросія и Иларія (см. стр. 46 *прилож.*). Такимъ образомъ и „послѣдній омій“, который единственно и „назвалъ Евсевія по имени“ обманулъ надежды автора. Онъ даже сдѣлался уликою противъ г. Самуилова, тенденціозно ищущаго вездѣ аріанскихъ послѣдователей Евсевія, возводя сего послѣдняго въ „первоучителя оміевъ“.

Мы окончили разборъ двухъ первостепенныхъ доводовъ автора въ пользу его мнѣнія о „духовномъ руководствѣ“ полуаріанъ Евсевіемъ кесарійскимъ. Остальные доказательства того же мнѣнія, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимаетъ сравненіе полуаріанскихъ догматическихъ системъ съ догматической системой Евсевія,—по идеѣ автора назначены къ тому, чтобы „только подтверждать“ вышеуказанные два главныхъ довода. Но такъ какъ оказывается, что этимъ остальнымъ доказательствамъ подтверждать уже нечего, то мы и не станемъ ими заниматься. И увѣрены, что не найдется столь празднаго человѣка, который пожелалъ бы отдавать свое время подобному занятію—провѣркѣ Сизифовой работы автора. Оставляемъ въ сторонѣ разборъ прочіихъ даваемыхъ авторомъ доказательствъ его теоріи,

1) Очень жаль, что авторъ не хотѣлъ обратить вниманія на слова Вайтца, которыми предваряется у него выписка словъ: *hoc secundum divinum*. Вайтцъ не могъ точно воспроизвести текстъ рукописи въ этомъ мѣстѣ и говоритъ, что здѣсь вообще находится *дальнѣйшее оправданіе* (*Rechtfertigung*) ученія Арія о Сынѣ Божіемъ“ (S. 8). Вотъ новое доказательство, что главнымъ предметомъ отрывка—Арій и его прославленіе, а отнюдь не Евсевій.

не смотря на поваленную эрудицію, которою онъ сопровождаетъ свое дѣло и скажемъ: „покойся милый прахъ до радостнаго утра“.

Послѣ сдѣланнаго разбора главнѣйшихъ доводовъ автора, на которые онъ возлагалъ такія смѣлыя надежды, оказавшіяся однако напрасными, отъ сочиненія автора, по нашему мнѣнію, осталось не больше того, что остается послѣ великаго кораблекрушенія въ океанѣ—множество обломковъ, носящихся по безбрежному морю.

Каждому, занимающемуся церковной исторіей приходится встрѣчать по своей спеціальности сочиненія очень разнообразнаго характера: малограмотныя, безтолковыя, обличающія недостаточное знаніе или пониманіе источниковъ писателемъ, явно тенденціозныя, большею частію или цѣликомъ списанныя, злонамѣренныя, но едва ли какому либо историку, когда либо встрѣчалось сочиненіе, которое, при блестящей эрудиціи автора, было бы написано съ цѣлію, и притомъ безкорыстною цѣлію, обмануть ближняго; а таково и есть сочиненіе нашего автора.

Принимая на себя трудъ разобрать главную тенденцію книги автора, мы имѣемъ въ виду единственно и исключительно научную пользу: по нашему сужденію, научному прогрессу служить не только тотъ, кто пишетъ ученыя сочиненія по извѣстной наукѣ, но и тотъ, кто разъясняетъ значеніе новыхъ сочиненій, заслуживающихъ вниманія и изученія, а также и тотъ, кто предостерегаетъ противъ увлеченія сужденіями, отъ имени науки, но вопреки научнымъ требованіямъ, раскрываемыми въ томъ или другомъ сочиненіи. Въ настоящій разъ мы взяли на себя эту послѣднюю—сознаемся—скучную задачу. Но мы желаемъ предохранить въ особенности молодыхъ ученыхъ, занимающихся древней церковной исторіей, и по русскому обыкновенію очень падкихъ на увлеченіе „новыми воззрѣніями“,—предохранить отъ довѣрчиваго обращенія съ сочиненіемъ г. Самуилова, ибо въ немъ подъ покровомъ блестящей и несомнѣнной эрудиціи (столь подкупающей въ пользу тенденціи автора) возвѣщается неопозволительная ложь.

А. Лебедевъ.